

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.2>

Бекметов Ринат Ферганович

"РОДИНА" И "ЧУЖБИНА" В ПОЭЗИИ ФАРИТА ЯХИНА

Статья посвящена описанию лирической системы Фарита Закизяновича Яхина (род. в 1961 году), татарского поэта, прозаика, критика и литературоведа, в аспекте оппозиции образов и понятий "Родины" - "Чужбины". Если не считать нескольких небольших критико-биографических заметок о Ф. З. Яхине на татарском языке, представленная работа, по сути, является первым системным взглядом на его богатое и содержательное поэтическое наследие, могущее заинтересовать русскоязычную читательскую аудиторию. Автор дает общую характеристику творческого письма Ф. З. Яхина, рассматривает формы и генезис художественной реализации представлений о "Родине" и "Чужбине", а также в качестве своеобразной перспективы оговаривает возможности перевода яхинских стихотворений на русский язык.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/9-2/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 9(87). Ч. 2. С. 228-232. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2-х т. М.: Искусство, 1994. Т. 1. 478 с.
4. Белый А. Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере. М.: Республика, 2000. 719 с.
5. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
6. Белый А. Симфонии. Л.: Худож. лит., 1990. 528 с.
7. Бердяев Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1927_smysl_tvorchestva.shtml (дата обращения 20.06.2018).
8. Бердяев Н. А. Теософия и антропософия в России [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyaeв/1916_252.html (дата обращения: 15.06.2018).
9. Бычков В. В. Эстетические пророчества русского символизма [Электронный ресурс]. URL: <http://hesychasm.ru/library/creation/russymb.htm> (дата обращения: 15.06.2018).
10. Св. Григорий Палама. Polemika с Акиндином. Святая гора Афон, 2009. 268 с.
11. Св. Григорий Палама. Триады в защиту священо-безмолвствующих [Электронный ресурс]. URL: http://www.orthlib.ru/Palamas/triad_cont.html (дата обращения: 20.04.2018).
12. Соловьев В. Критика отвлеченных начал [Электронный ресурс]. URL: <https://predanie.ru/solovev-vladimir-sergeevich/book/98683-kritika-otvlechennyh/> (дата обращения: 18.06.2018).
13. Флоренский П. Имяславие как философская предпосылка [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/u-vodorazdelov-mysli-tom-1/4 (дата обращения: 18.06.2018).
14. Флоренский П. А. Сочинения: в 2-х т. М.: Правда, 1990. Т. 2. У водоразделов мысли. 448 с.
15. Хоружий С. Выготский, Флоренский и исихазм в проблеме формирования современной антропологической модели [Электронный ресурс]. URL: http://bookap.info/okolopsy/horzhiy_vygotskiy_florenskiy_i_isihazm_v_probleme_formirovaniya_sovremennoy_antropologicheskoy_modeli_2002/ (дата обращения: 18.06.2018).
16. Хоружий С. После перерыва. Пути русской философии [Электронный ресурс]. URL: <https://fil.wikireading.ru/68867> (дата обращения: 18.06.2018).
17. Чистякова Э. И. Эстетическое христианство А. Белого // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 85-94.

LIGHT METAPHYSICS OF ANDREI BELY

Akopova Yuliya Alekseevna, Ph. D. in Philology
Rostov State University of Economics
yuyay@mail.ru

The article analyzes the literary and journalistic heritage of Andrei Bely in the context of the medieval spiritual practice – Hesychasm, the philosophical conceptions of Russian “cosmists” at the turn of the XIX-XX centuries. The conclusion is made about the deep influence of Hesychasm on the type of the philosophizing of Russian religious philosophers and the artistic insights of Russian symbolists, in particular, Andrei Bely. The correlation of the world outlook of Russian symbolism with the teachings by Gregory Palamas becomes obvious when it comes to the possibility of the appearance of light-bearing divine reality in the earthly world. “All-transforming and all-perfecting” “divine energy” can be revealed to a person in earthly life in synergistic unity with the God, the manifestation of which is “uncreated light”, called the “light of the Mount Fabor” in Orthodoxy. In the medieval theological discourse by Gregory Palamas, the philosophical reflections and artistic intuition of the Silver Age, the authenticity of the spiritual experience of a man, the possibility of “deification”, that is the miracle of contemplation of the Divine, are affirmed.

Key words and phrases: A. Bely; symbolism; Hesychasm; synergy; Christianity; neo-Christianity; energetic anthropology; mystical intuition; dogmatism; modernism; theurgy; life-creation.

УДК 821.512.145

Дата поступления рукописи: 28.06.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.2>

Статья посвящена описанию лирической системы Фарита Закизяновича Яхина (род. в 1961 году), татарского поэта, прозаика, критика и литературоведа, в аспекте оппозиции образов и понятий «Родины» – «Чужбины». Если не считать нескольких небольших критико-биографических заметок о Ф. З. Яхине на татарском языке, представленная работа, по сути, является первым системным взглядом на его богатое и содержательное поэтическое наследие, могущее заинтересовать русскоязычную читательскую аудиторию. Автор дает общую характеристику творческого письма Ф. З. Яхина, рассматривает формы и генезис художественной реализации представлений о «Родине» и «Чужбине», а также в качестве своеобразной перспективы оговаривает возможности перевода яхинских стихотворений на русский язык.

Ключевые слова и фразы: татарская поэзия; Ф. З. Яхин; «Родина»; «Чужбина»; суфийские традиции; метафизика.

Бекметов Ринат Ферганович, к. филол. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
bekmetov@list.ru

«РОДИНА» И «ЧУЖБИНА» В ПОЭЗИИ ФАРИТА ЯХИНА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00056.

Современный татарский поэт, прозаик, критик и литературовед Фарит Закизянович Яхин не относится к числу авторов, широко известных читательской публике. Переводов его произведений на русский язык

(языки других народов России) практически нет, если не считать единственной журнальной публикации (небольшая подборка стихов в русском переводе), вышедшей в свет после долгих «мытарств», без общего, полагающегося в подобных случаях названия и с досадными издательскими небрежностями [3]. Между тем наследие Ф. Яхина велико, разнообразно и потому заслуживает пристального внимания. Есть татарские писатели, имена которых хорошо известны, и вполне заслуженно, при том что речь может идти не только о признанных классиках прошлого. Есть те, чье развитие протекает по «периферийной» линии движения нынешней татарской словесности, но «периферия», вопреки распространенному мнению, не означает «низкопробность»: зачастую этот «маргинальный статус» определяется тем обстоятельством, что вектор литературного развития задается «новомодными» или, напротив, «консервативными» ориентирами, которые, бесспорно, необходимо изучать в рамках «социологии чтения» – прикладной научной дисциплины, отслеживающей характер читательских предпочтений в различных общественно-культурных срезах на определенных отрезках исторической хронологии; в свете текущих предпочтений тот, кто сохраняет преемственную традиционность письма, варьируя ярким индивидуальным своеобразием в строго очерченных пределах, оценивается как нечто непохожее и, стало быть, автоматически «периферийное». Однако нередко читательская аудитория может недооценить масштаб таланта художника или же написанный им текст (весьма примечательным примером становится «Война и мир», поначалу не оцененная критикой, но отмеченная Н. Н. Страховым).

Ф. Яхин – по-настоящему крупная писательская личность, и можно лишь посетовать на то, что в должной мере, несмотря на количественный размах его художественной продукции, она еще не раскрыта.

Ф. Яхин родился 2 января 1961 года в селе Дусюмово Сармановского района Республики Татарстан (тогда – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика). Окончил историко-филологический факультет Казанского государственного университета. Защитил две диссертации: в 1988 году – кандидатскую (по проблемам татарской региональной печати), в 2000 году – докторскую (по актуальным вопросам татарской средневековой литературы). Работал научным сотрудником в Институте языка, литературы и истории имени Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР (и сегодня трудится в том же учреждении, Институте языка, литературы и искусств имени Г. Ибрагимова – теперь как части Академии наук Республики Татарстан), заведующим кафедрой литературоведения в Татарском государственном гуманитарном институте, профессором кафедры татарской литературы Казанского (Приволжского) федерального университета. В 1990-х годах был директором Литературного музея Г. Тукая в г. Казани. Он – автор многочисленных научных статей и монографий по истории татарской литературы, научно-популярных книг об исламе, текстологических трудов по адаптации древних и средневековых татарских рукописей на современный язык, публицистических выступлений, поэтических сборников, романов, повестей, рассказов, детских сказочных новелл. Среди них: монография «Средневековая татарская литература (религиозная мистика и мифология в татарской поэзии)» (2003), романы «Великий Пророк» (1993), «Месяц август» (1995), «Подснежник» (2014), цикл повестей и рассказов «Молитвы моей бабушки» (2000), сборники стихов «Слеза на реснице моих чувств» (1993), «Любовь до самой смерти» (1995), «Возвращение на заре» (1996), «Окна одиночества» (2014). Выпустил шесть томов избранной прозы (2014–2015) и столько же томов избранной лирики (2015). В 1997 году на сцене Татарского государственного академического театра имени Г. Камала была поставлена его историко-драматическая поэма «Мухамедьяр» о выдающемся деятеле татарского средневековья, авторе «Даров мужей» и «Свете сердец». Член Союза писателей Республики Татарстан.

Очевидно, что в нем органично совмещаются две ипостаси – писателя и литературоведа-медиевиста, – что само по себе весьма примечательно, но далеко не уникально для общероссийской культуры. Из давних примеров мы могли бы упомянуть личность Андрея Николаевича Егунова (1895–1968), русского филолога-классика, переводчика, поэта и писателя, из близких – Алексея Николаевича Варламова, писателя, публициста, историка русской литературы XX века (родившегося, кстати сказать, на два года позже Ф. Яхина).

Главная особенность лирического слова Ф. Яхина заключается в проникновенном выражении тоски по совершенному и недостижимому идеалу. Человек в поэзии Ф. Яхина является носителем психологических переживаний – тонких, обостренных и порой крайне болезненных. Он не воспринимает себя в качестве чести социума, но только как лицо, ей противостоящее и одновременно находящееся в конфликте с таинственным, загадочным мирозданием, «шевелиющимся хаосом», который расположен по ту сторону привычного и хорошо знакомого «космоса» (так, в первом четверостишии стихотворения «Тэгъбир» («Объяснение») сказано: «Бик сәер бер төш бутады бүген / Кара таңнан төртеп уятып, / Хәзер, менә, аптырашга калдым, / Нәрсә көтә жанны, болгатып?» [4, с. 32]. / «Причудливый сон сбил меня с толку сегодня, / В темную ночь я проснулся, / И, вот, не могу уяснить, / Что же ждет меня?» (здесь и далее подстрочный перевод автора статьи. – Р. Б.)). В этом, несомненно, есть параллели с лирикой Ф. И. Тютчева, Я. П. Полонского, И. Ф. Анненского и А. А. Блока; собственно национальный генезис связан с сугубо авторской трансформацией средневековой (суфийской, мистико-философской) символики; если подбирать конкретного писателя для сравнения, то таковым – в теоретическом смысле может стать Дардменд, замечательный татарский поэт начала XX века (отметим для правильного понимания, что мы имеем дело с опытом воскрешения его установок, ибо школы последователей у Дардменда в силу многих причин не оказалось; новая татарская литература развивалась в парадигме тукаевского мировоззрения, с опорой на просветительское начало, оптимистическое, полное грядущих надежд, а дардмендовская не заняла центральной позиции).

Яхинское мироощущение имеет «барочный» оттенок. Подчеркнем, что «барокко» относимо тут именно к эстетическому видению, а не стилю. Стиль у поэта ясный, гармоничный, с фиксированным стиховым

рисунком; «темных» мест, сложных словесных конструкций, намеренных интеллектуальных туманностей и игровой эквилибристики, как это было у западноевропейских лириков «барочного» направления, в нем нет. Приведем иллюстрацию этой фактурной ясности – стихотворение «Китап учагы» («Книги в огне») в нашем собственном поэтическом переводе (совсем не вольном, но оттого как раз можно осознать, сколь легка внешняя, формальная грань яхинских текстов, поддающаяся перекодировке): «Жизнь есть обман. В обман мы верим свято. / Нам голос правды дан в помехах лжи. / Вот и сегодня, получив зарплату, / Две книги я купил, чтоб сжечь в печи. / Ах, как же был влюблен я с детства в книги! / Как их читал ночами напролет! / Но мудрецы всегда одно твердили, / А в жизни было все наоборот. / Теперь я сам знаток, пишу романы, / Сам искушаю словом добрый люд. / И мудрецы, листая вечерами, / С насмешкою бросают в печь мой труд. / О сколько сил уходит в слово правды! / Жизнь ведь течет как быстрая река. / Найдется ль тот, кто идеала ради / Плод дум моих исторгнет из огня?..» [Там же, с. 69]; в пейзажных этюдах эта фактура еще прозрачнее: «И вновь восходит солнце на востоке, / Лучистое тепло дарую нам. / Но громоздятся в небе тучи к сроку, / Опять идут дожди, навис туман. / Как нынче осень затянулась! Лентой / День скучный вьется, нет ему конца. / Дорогу лист, опавший разноцветный, / Покрыл, чтоб мы ходили не спеша. <...> Вся суть, вся мудрость осени печальной – / В листе, легко кружащей на ветру. / Лес оскудел. Ложатся тенью дальней / Стволы деревьев в землю мерзлую. / День клонится к закату. Остывает / Простор, росой серебряной блестя. / Приходишь ты, и тучи заывая, / О холодах все грезишь для меня...» («Кояш» («Солнце»)) [Там же, с. 82].

Необходимо иметь в виду прежде всего константы лирического сознания, замкнутого, погруженного в себя, «декадентского», чувствующего трагическую двойственность бытия, его враждебность, несмотря на попытку увидеть и светлые стороны, вселяющие оптимизм. Герой ощущает усталость, надлом, преждевременное старение души и тихое, скорбное, унылое угасание (сошлемся на короткий отрывок из стихотворения «Төн – үтә ул» («Ночь пройдет») в нашем поэтическом же переводе: «Я буйно цвел, я жил в отваге битвы, / Мой меч горел в огне, я камнем был. / Но пал высокий стяг, и нет защиты. / Мой шлем пробит, судьбе я изменил» [Там же, с. 103]; ср. также стихотворение «Көзге яфрак» («Осенний лист»): «Пожухлый лист, гонимый сильным ветром, / Влетел в окно и нежно лег на стол. / Знак времени... Как солнце грело щедро! / Теперь одни дожди. Я в сон ушел... / Живу в предчувствиях, мне беспокойно, / Несу воспоминаний тяжелых груз. / Плывут по небу звезды счастья стройно, / Но я с земли до них не дотянусь. / Холодный ветер дышит зимней стужей, / И вьюга лист осенний заметет. / Был шумом городским я вновь разбужен. / О, мерзлый край! Где ж новый небосвод?..» [Там же, с. 108]). Одна их характерных черт поэтики Ф. Яхина – повтор, варьирование одних и тех же образов в напряженной динамике семантических модуляций. В русском поэтическом искусстве этот метод практиковался Ф. И. Тютчевым и А. А. Блоком (в случае последнего, как было показано в [1], наиболее существенным был контекст средневековой и ренессансной европейской литературы, а через нее – ближневосточной, арабо-персидской; этот «метод мышления» отнюдь не нов). Перед нами, в конечном счете – философская, «романтико-метафизическая» поэзия. Возможно, именно по этой причине круг ее современных татарских читателей не столь велик...

Из всего объема тем мы сосредоточимся на той, которая тесно связана с образами и понятиями «Родины» и «Чужбины».

В поэзии Ф. Яхина они имеют два измерения: конкретно-жизненное и отвлеченно-онтологическое.

Первое измерение темы представлено по преимуществу ранним периодом (1980-е годы), когда «Родина» и «Чужбина» трактуются в прямом, непосредственном, географическом плане, что соответствует принятой модели татарского национального мышления. Так, в стихотворении «Сау бул, Сарман!» («Прощай, Сарман!») [6, с. 103] из цикла «Урман жыры» («Лесные песни») «Родина» именуется «землей предков» («бабаларым жире»), а «Чужбиной» – Казань, куда герой отправляется ради новых знаний. Эти две пространственные точки мира не конфликтуют, но заметно противостоят. Казань в подтексте – сакральный локус, место интеграции образованных татар, и не случайно автор сравнивает свой путь туда с дорогой Г. Тукая («Китеп барам Тукай эзләрәннән, / Казаньма тарткач күңелем!»). / «Отправляюсь по следам Тукая, / Сердце тянется в Казань»), который в стихотворении «Пар ат» («Пара лошадей») описал собственный, едва ли не торжественный въезд в столицу: «Бер тавыш килде колакка, яңгырады бер заман: / “Тор, шәкерт! Життек Казанга, алдымызда бит Казан”... / Монда хикмәт, мәгрифәт һәм монда гыйрфан, монда нур» [2, с. 35]. / «Услышало ухо мое, прозвучал голос: / “Поднимайся-ка, шакирд (учащийся медресе. – Р. Б.)! Вот, приехали в Казань, перед нами Казань”... / Здесь наука, просвещение, знание здесь и свет».

В родном краю к герою испытывают чувства зависти, недоумения (разве можно подниматься на интеллектуальную высоту? у всех ведь одна судьба...), но его это ничуть не тревожит, он выше таких «мелочей» («вакчыллык»); преданные друзья – вот круг реальных отношений, которыми герой дорожит и в которых нет «низменных» желаний, преграждающих путь к духовному развитию; один этот факт способен стать причиной радости, уверенности в том, что в мире стоит жить.

Вообще, Казань у Ф. Яхина – город, который притягивает с неодолимой силой. В стихотворении «Казань» («Казань») [6, с. 159-160] автор сравнивает татарскую столицу с «красавицей», обращается к ней на «ты», просто и безо всякой застенчивости, как к той милой женщине, которую искренно, всей душой полюбил; он тоскует, грустит о ней, пишет о том, что она ему постоянно нужна («Миңа син – / матурым, кирәк». / «Мне ты, / красавица, нужна»).

В то же время Ф. Яхин не был бы татарским поэтом, если бы «Родина» свелась у него к системе социальных связей. Родной край, как и Казань, живет в нем прежде всего в качестве теплого воспоминания. «Родина» –

это уютный отчий дом («туган йорт»), в котором он вырос и возмужал, его образ временами снится герою; это зеленые луга и поляны, хоженные тропы детства, первый весенний дождь, выглянувшее из-за туч солнце; это мать, которая хотела бы, чтобы сын возвратился и жил рядом («Аерылдым туган йорттан...» [Там же, с. 160]. / «Ушел я из дома родного...»); это бабушка, о которой говорится, что спокойная старческая величавость совмещается в ней с душевной чистотой («Ак кыш кебек сабыр һәм дә тыныч, / Сафның-сафы аның денъясы» [8, с. 170]. / «Спокойна и терпелива она, словно белая зима, / Чист-пречист ее духовный мир»); это, наконец, праздник первого плуга, «Сабантуя» («Жэй дә килде, илдә сабан туге, / Авыл-авыл бэйрәм итэләр, / Борынгыдан калган гадәт бит ул, / Илләр белән кунак көтәләр» [Там же, с. 169]. / «Лето пришло, пришел и Сабантуй, / От села к селу празднично, / С древних времен так повелось, / Что праздника этого ждут всем миром»).

«Чужбина» же не ограничивается Казанью. Она включает другие города: Москву (поэма «Бөек шәһәр – Мәскәү» («Москва – великий город») [6, с. 241-244]), Ленинград (одноименная поэма [Там же, с. 244-288]). С Москвой герой общается по-братски, на «ты», хотя и снимает перед ней шляпу (в оригинале – букв. «шапка»), с Ленинградом по смыслу он больше на «вы»: это город европейского прогресса, грандиозной истории, многоценной и неповторимой культуры. В поздний период «Чужбина» будет представлена экзотическим Таиландом. Паттайя, по Ф. Яхину, – райская обитель, пространство, выпавшее из потока времени, «святая земля» («туфрактары – изге»), обустроенная не человеком – природой [5, с. 76]. Показательно при этом, что «Чужбина» у Ф. Яхина почти всегда включена в общетатарский контекст, несмотря на территориальную отдаленность. Москва и Ленинград – города, имеющие связь с Казанью, «воротами» на Восток, а в далеком Таиланде герой представляет великих предков, под которыми подразумеваются тюрки – создатели империй, простиравшихся от Дуная до Ганга и Китайской стены, гордится их немеркнувшей славой.

Второе измерение реализовано в зрелый период (2000-е годы). «Родина» и «Чужбина» теперь становятся понятиями значительно более обобщенными, с духовно-душевной подосновой. «Родина» – мир внутри меня как субъекта бытия и сознания, а «Чужбина» – за пределами, едва ли в космической вышине, и между ними лежит водораздел, пропасть, скрепить воедино которую можно с помощью Пути в мистико-философском значении слова.

С одной стороны, этот Путь определяется основополагающим тезисом о «связи всего со всем». В стихотворении «Галәмгә очу» («Полет во Вселенной») соединение индивидуального мира с природным осуществляется через воображаемый ночной полет души героя: «Жир шарына утырдым да, менә / Галәм буйлап мин сәяхәт итәм, / Монсы – Казык йолдыз, / Монсы – Жидегән... / Бер әйләнәп, барсын узып китәм» [7, с. 90]. / «Сел я на земной шар, и вот / Лечу по всей Вселенной, / Это – Полярная Звезда, / А это – Большая Медведица... / Все облетел в одном круговращении». Соединение несет добро, гармонию, безмятежность, успокоение; близкое и дальнее плавно – а иногда легко и весело – соотносены. С другой стороны, Путь автору кажется утраченным. Он чувствует растерянность, покинутость, не видит дороги, ибо она начинает ускользать из-под ног. Его противоречивое состояние правомерно определять через экзистенциалистскую категорию «заброшенности в бытие», когда особую актуальность приобретает новое ощущение – «мужество быть» вопреки абсурду, нелепице. Перед нами, по сути, – суфийская метафизика Пути, но данная в достаточной радикальном авторском преломлении, как искажение мусульманской нормы. Закономерно, что в стихах Ф. Яхина последних лет звучат «богоборческие» мотивы; даже ангелы у него выступают в роли строгих и суровых существ, дистанцированных от человека, его страданий, хотя, как мы знаем из религиозно-мифологического контекста, именно через них происходит сближение Неба и Земли (согласно исламу, пророка Мухаммада наставлял архангел Джабраил). Одновременно «богоборческое» начало является формой борьбы за правильное, то есть праведное истолкование истин ислама, о котором вещали суфии. Обряд, утверждали они, важен, однако за ним твердо должна стоять не ритуальная церемониальность с избитым, выхолощенным содержанием, а сознательно усвоенная и реально практикуемая в помыслах и действиях идея любви к Богу – она, конечно, первична – и ко всем ближним, Его созданиям. Об этом – дидактическое стихотворение «Корьән шигьре (Корьәннән тәржемә)» («Коранический стих (перевод из Корана)»): «Әйтмәгез: “Бер кеше үлде дә / Бетте эше”, – дип, / Ни ахмак сүз... / Намаз һәм ураза – / Изгеләр гамәле, / Әммә игелекsez / Болар бар да – кирәкsez...» [8, с. 280]. / «Не говорите: “Если умер некто, / То и делу конец”, / Что за глупое слово... / Намаз (пятикратная молитва у мусульман. – Р. Б.) и ураза (пост в священный месяц Рамазан. – Р. Б.) – святое деяние, / Но если нет добра, / То все это – ничтожное занятие...».

Программным текстом этой утраты Пути служит стихотворение «Авыру дәрвиш» («Больной дәрвиш») [5, с. 9]. Его герой – одинокий, уставший путник, заблудившийся аскет; он ослеп, с промокшими ногами и растрепанной бородой ему трудно идти; еще вчера он прекрасно знал цель своего странствия по миру, а сегодня ему остается взирать в странной, горькой неподвижности на то, что происходит вокруг, и открывать новую «Родину» в самом себе, в скрытых тайниках угрюмой, утомленной и уязвленной души.

«Подступы» к этому тексту складывались в цикле «Духовная метафизика», примечательно завершающимся поэмой «Әүлия» («Святой»). В одном из его стихотворений с символическим названием «Югалу» («Утрата») [8, с. 297] повествуется о сложном пребывании героя на земле, в родном краю: он «дома», но не чувствует, что этот «дом» ему близок; нечто ценное безвозвратно потеряно; жизнь, до того казавшаяся ясной, превратилась в туман, ночное марево: «Илдә яшәп – илдән ерагайдым, / Көндә яшәп – төннән чыгалмый!» – «Живу в Отчизне я – но отдалился от нее, / Живу днем – а из ночи не выхожу!». Состояние надлома, растроченной энергии, некогда бурной, передают образы пустыни и разрушительного ветра, сметающего песка (все они – восточные по происхождению): «Адашканмын, ахры, вак эзләрем / Тарих тузанына күмелә.» /

«Вероятно, утратил я путь, мелкие следы мои / Пыль времени замела», ср.: «Ишетәсеңмә, буран елый ятып / Тәрәз төпләренә...?» [Там же, с. 298]. / «Слышишь ли, как воет буран / За окнами...?» («Күрмисендер, ишетмисендер» («И не видишь, и не слышишь»)). В стихотворении «Бакчалык» («Сад») жизнь до кризиса сравнивалась с цветущим садом, после – с порывами холодного, пронизывающего ветра: «Минем тормыш шау чәчәкле бакча / Булып көн дә көтте кояшны, / Күк болытлап, салкын жилләр иссә, / Сөртә идем күздән кайнар яшьне» [Там же, с. 301]. / «Моя жизнь была подобием сада с яркими цветами, / Она ждала восхода солнца, / Но собрались в небе тучи, завыл ветер, / И я вытираю с лица горячие слезы». Поэма «Әүлия» («Святой») начинается с ключевого эпизода, когда герой в поисках утешения («Яшәшем боздан арчырга». / «Избавить собственное существование от ледовых наростов») приходит к мудрому старцу и обнаруживает вместо вдохновенного человека, указующего Путь, того, кто сам глубоко растерян и в качестве единственно возможного выхода из ситуации «пьет вино», отказываясь от рациональных установок (в оригинале – «обезумел»): «“Әүлия”, – дип килдем, ак сакаллы, / Олы кыяфәтле кешегә. / Исерек икән, чыккан саф акылы, / Күз акайтты – мине күрүгә» [Там же, с. 376]. / «“О, святой”, – с таким словом зашел я к белобородому, / Статному человеку. / Он был пьян, обезумел, / Уставился на меня, увидев». Эта существенное изменение традиционного суфийского образа: во-первых, святой как учитель является важнейшим ориентиром в море житейских волнений, а, во-вторых, восточная поэзия обычно изображала суфия «пьющим вино», ибо образ вина трактовался как способ достижения истины, не выразимой в словах, однако этот акт (известный нам хотя бы из описаний Омара Хайяма) всегда протекал бодро, без намека на какую-либо душевную болезненность, с полной уверенностью в том, что необходимо дорожить каждой минутой драгоценного существования на земле, без погружения в мир бесплодных мечтаний; у Ф. Яхина вино – признак безнадежности, отсутствия бытийных сил (симптоматично, что, когда герой нашел святого в таком неподобающем положении, следуют строки о том, что светлый «день померк» и «на краю Вселенной, среди тишины, послышалось чихание младенца», здесь слово «төчкерек» – «чихание» можно понять и как «плач», и как «язвительная детская насмешка»).

Таким образом, из корпуса яхинской лирики на небольшом материале мы осветили в двух аспектах одну центральную тему. «Родина» и «Чужбина» у Ф. Яхина – это и географическое пространство, и метафизические категории. В территориальном значении «Родина» – семантически обжитый мир, исток существования, «Чужбина» – локус земли, который притягивает богатством культуры, топос интеллектуального и эмоционально-психологического развития. Такое понимание «Родины» и «Чужбины» характерно в основном для раннего периода яхинской поэзии. В абстрактно-философском отношении «Родина» – единица памяти, сознания, воображения, всего того, что делает человека существом духовным (детство, юность). «Чужбина» же в этой оппозиции трактуется как состояние неопределенности, разрыва связи с тем, что до сих пор представлялось привычным, знакомым; это утрата ориентиров, стойкое ощущение того, что мир имеет сложно определяемую в словах мистическую перспективу. Здесь Ф. Яхин вступает в диалог с суфийским опытом миропредставления, трансформируя его посредством внесения «декадентской», дисгармоничной смысловой тональности. Она наблюдается в стихотворениях последних десяти лет.

Список источников

1. Бекметов Р. Ф. Категория пути в художественном сознании А. А. Блока и проблема восточной литературной традиции: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2007. 26 с.
2. Тукай Г. Сочинения: в 6-ти т. / на тат. яз. Казань: Татарское книжное издательство, 1985. Т. I. 345 с.
3. Фарит Яхин / пер. с тат. Р. Ф. Бекметова // Идель. 2017. Октябрь. С. 48-49.
4. Яхин Ф. З. Возвращение на заре: стихотворения, поэмы / на тат. яз. Казань: Магариф, 1996. 252 с.
5. Яхин Ф. З. Окна одиночества: стихи / на тат. яз. Казань: Слово, 2014. 112 с.
6. Яхин Ф. З. Стихи и поэмы: в 9-ти т. / на тат. яз. Казань: Слово, 2015. Т. I. 425 с.
7. Яхин Ф. З. Стихи и поэмы: в 9-ти т. / на тат. яз. Казань: Слово, 2015. Т. III. 436 с.
8. Яхин Ф. З. Стихи и поэмы: в 9-ти т. / на тат. яз. Казань: Слово, 2015. Т. V. 429 с.

“HOMELAND” AND “FOREIGN LAND” IN FARIT YAKHIN’S POETRY

Bekmetov Rinat Ferganovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
bekmetov@list.ru

The article is devoted to the description of the lyrical system of Farit Zakizyanovich Yakhin (born in 1961), the modern Tatar poet, prose writer, literary critic, in terms of the opposition of the images and notions “Homeland” – “Foreign Land”. Except for a few small critical-biographical notes about F. Z. Yakhin in Tatar, the work presented, in fact, is the first systemic view on his rich and informative poetic heritage, which can be of interest to the Russian-speaking readership. The author gives a general description of F. Z. Yakhin’s creative writing, examines the forms and genesis of the artistic realization of the ideas about “Homeland” and “Foreign Land”, as well as – by way of perspective – provides remarks on the possibility of translating F. Z. Yakhin’s poems into Russian.

Key words and phrases: Tatar poetry; F. Z. Yakhin; “Homeland”; “Foreign Land”; Sufi traditions; metaphysics.